

МЭРИ СТЕЙН

АБСОЛЮТ

Черные нити

18+

Абсолют

Мэри Стейн

Абсолют. Черные нити

«Автор»

2026

Стейн М.

Абсолют. Черные нити / М. Стейн — «Автор»,
2026 — (Абсолют)

Тишина. Тьма. Исток. Вы думаете, что разгадали все загадки? Вы ошибаетесь. Есть тайны страшнее трёхсот лет ожидания. Есть голод, который не утолить. Есть Тени, которые всегда наблюдают. Гроссмейстеры продолжают расставлять фигуры на доске, только у них всегда был кукловод. И он ждал дольше всех. Чёрные нити вплетены в судьбу задолго до всего. Антагонист обретает плоть. Война будет страшнее, чем столетия назад. Но где та, что должна остановить его? Ответы — в пепле. И чтобы их найти, придётся пройти через Дно. Вторая книга саги «Абсолют». Добро пожаловать на Дно. Падение неизбежно, но есть ли шанс встать?

© Стейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слова Автора и Пролог	6
Пролог. Элис	7
Глава 1. Король Элиас	9
Глава 2. Агни	11
Глава 3. Эйра	13
Глава 4. Эреб	15
Глава 5. Кайден	16
Глава 6. Похороны	17
Гл	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мэри Стейн

Абсолют. Черные нити

Слова Автора и Пролог

Дорогой читатель!

Спасибо, что остаёшься со мной в этом театре пепла и чёрных лилий.

Первая книга была **криком**.

Вторая будет **шёпотом**.

Но этот шёпот разнесётся громче любой битвы.

Вас ждут новые герои и новые повороты судьбы. Вы узнаете цену, которую платят за любовь. Мы пройдем через пепел, чтобы найти свет... или тьму?

Мир становится шире. Маски срываются. И на сцену выходят те, кто всегда был в тени.

Погружайтесь в мир «Абсолют. Чёрные нити».

Но помните: **Тени всегда рядом... и они следят.**

У саги есть официальная группа ВКонтакте с визуалами, тизерами и прочим - Абсолют. Черные лилии. Подписывайтесь, пишите комментарии, мы погружаемся в Бездну.

https://vk.ru/mary_stein_absolute

ВНИМАНИЕ ДЛЯ ОСОБО ОДАРЁННЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ (ИЛИ ДИСКЛЕЙМЕР НА ВХОДЕ):

Важный технический момент перед тем, как вы погрузитесь в «Черные нити».

В этой книге регулярно встречается повествование от третьего лица (взгляд на события со стороны). **ЭТО НЕ ОШИБКА, НЕ ОПЕЧАТКА И НЕ БАГ ВЕРСТКИ.** Это кинематографический стиль написания, где автор работает кинокамерой и переключает ракурсы, чтобы показать вам весь эпический масштаб.

Официально заявляю: у **главных героев НЕТ раздвоения личности!** Никто не клонировался, никто не сошёл с ума (кроме, возможно, автора во время монтажа 32-секундного тизера). Если вам сложно воспринимать смену фокуса и вы привыкли к плоским текстам — у вас всегда есть законное право закрыть книгу.

Всем остальным, кто умеет включать воображение и ценит густую атмосферу — добро пожаловать в новые главы!

Пролог. Элис

Солнце над Астерлирией больше не светило.

Раньше оно золотило шпиль Кер-Моранта, ложилось тёплыми пятнами на мрамор Тронного зала, играло в кубках на пирах. А теперь... теперь оно просто висело в небе — бледное, равнодушное, как лампочка в пустой комнате.

Я не поэт. Я офицер. Моя работа — цифры, приказы, дисциплина. Но в то утро, когда пришло известие о прорыве, я не думал о цифрах. Я думал только о том, как быстро смогу добраться до Разлома.

Отряд, лучшие из лучших, был собран за минуты. Мы неслись сквозь Серый Сектор, не останавливаясь, не отдыхая. Лошадь пала за милю до поля боя — я загнал её так, что сердце зверя не выдержало. В последний раз я видел её глаза — испуганные, преданные, и я знал: она отдала мне всё, что у неё было. Я отдал это за опоздание. Дальше — бегом. Задыхаясь, спотыкаясь, матерясь сквозь зубы.

Меня называли Тенью Короны. Я привык всё контролировать. Я никогда не опаздывал. Но в этот раз опоздал.

Когда я добрался, всё было кончено. Битва затихла. Последние Снулые рассыпались в пепел, и над полем повисла такая тишина, что было слышно, как бьётся моё собственное сердце. Я бежал, спотыкаясь о трупы, не чувствуя ног, не видя ничего вокруг. Я искал их.

И нашёл.

Они лежали на выжженной земле, почти обнявшись. Он — огромный, даже в смерти несокрушимый. Она — хрупкая, прижавшаяся к его груди, словно искала защиты даже там, за гранью. Её глаза были закрыты. Его — смотрели в небо. В них больше не было серебра. Только пустота.

Я упал на колени. Прямо в грязь, в пепел, в кровь. Смотрел на них и не мог поверить. Я должен был успеть. Должен был прикрыть их. Должен был... сдохнуть вместо них. Но опоздал.

Не помню, как мы возвращались в Кер-Морант. Не помню, как вёз их тела. Помню только, как вошёл в Тронный зал.

Король Элиас стоял у окна. Он обернулся на звук моих шагов, и одного взгляда на моё лицо ему хватило, чтобы всё понять.

Он не закричал сразу. Сначала просто смотрел. Долго. Страшно. А потом его лицо исказилось, и он закричал. Этот крик до сих пор стоит у меня в ушах. Он выл, как раненый зверь, и медленно, словно ноги отказывались держать, опустился на колени. Седой, сгорбленный, он рыдал, захлёбываясь слезами, и его пальцы царапали мраморный пол. Тот самый мрамор, который всегда был отполирован до зеркального блеска для балов и торжественных приёмов. Теперь он принимал кровь и слёзы Короля.

— Касвиан... Нессира... — шептал он. — Мои дети... мои...

А потом он поднял голову и посмотрел прямо на меня. В его глазах, полных слёз, вспыхнула такая ярость, что я невольно отступил на шаг. Он рывком вскочил на ноги — стремительно, как не должен был бы в своём возрасте и горе, — и в два шага оказался рядом.

— Элис! — его голос сорвался на крик. Он схватил меня за отвороты мундира и встряхнул так, что у меня клацнули зубы. — Ты был там! Почему ты опоздал?! Почему не сдох вместо них?!

Я смотрел в его глаза и видел, как гнев борется с горем. Видел, как гнев проигрывает — захлёбывается, тонет в той бездне, что разверзлась внутри него. И когда горе победило, когда оно залило собой всё, Король сломался. Его пальцы разжались. Он отпустил мой мундир, пошатнулся и рухнул на колени, словно из него разом вынули все кости.

Я стоял, вжав голову в плечи, и чувствовал, как слёзы катятся по щекам. Не оправдался. Не мог. Я сам задавал себе этот вопрос сотни раз. Почему я опоздал? Почему я не сдох вместо них?

— Элис... — прошептал он, и голос его был тихим, как шелест пепла. — Мы не спасли их. Я — Король. Ты — моя Тень. А мы... мы просто стояли и ждали. Какой же я король теперь? Грош мне цена. Грош.

Он закрыл лицо руками и зарыдал. Его плечи тряслись, а из груди вырывались такие звуки, что у меня разрывалось сердце. Я смотрел на него — на своего Короля, на своего друга, на человека, который всегда был для меня символом силы. И я больше не мог стоять.

Опустился на колени рядом с ним. Медленно. Тяжело. И впервые в жизни — за все годы службы, за все годы вражды и недоверия — я обнял его. Своего Короля. Своего брата по скорби.

— Мы опоздали, — прошептал я, чувствуя, как слёзы катятся по щекам. — Но мы будем помнить. Мы будем помнить их всегда.

И мы стояли так — два сломленных человека на коленях посреди пустого Тронного зала, на мраморе, который ещё вчера был готов принять бальную процессию, а сегодня принял нашу кровь и наши слёзы. И плакали. Вместе.

Глава 1. Король Элиас

Я — Король. Моя работа — речи, указы, парадные улыбки. Я должен быть скалой для своего народа. Но сегодня я не Король. Сегодня я — просто старик, который потерял своих детей.

Весть принесли ночью. Я не спал — никогда не сплю, когда мои люди на фронте. Стоял у окна, смотрел на звёзды, гадал, где сейчас они. Касвиан. Нессира. Мои лучшие. Мои непобедимые.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял Элис. Его лицо было серым, как пепел Разлома. Одного взгляда в его глаза хватило, чтобы всё понять.

Я не закричал сразу. Просто опустился на пол, прямо там, где стоял. Пол был холодным — мрамор, вечно отполированный до блеска, сейчас равнодушно отдавал мне свой вековой холод. Я чувствовал его сквозь колени, и это было единственное, что я вообще чувствовал. Закрыв лицо руками. Мир перестал существовать. Осталась только боль. Такая, что не высказать словами. Такая, что разрывает грудь изнутри.

Элис что-то говорил, но я не слышал. В ушах звучали только их голоса. Касвиан, мой верный Генерал, мой друг, мой меч. Нессира... Моя Тень. Моя гордость. Та, что стала мне дочерью, хотя я не смел и мечтать о таком.

Их больше нет.

Похороны назначили через три дня. И за эти три дня мир вокруг превратился в серую пелену. Бумаги, приказы — всё механически, ничего не чувствуя. Советники о чём-то спорили, но их голоса звучали как сквозь толщу воды. Я был пуст.

А потом настал этот день.

Балкон дворца. Внизу — площадь, залитая чёрным. Тысячи, десятки тысяч людей, пришедших со всех уголков Империи проститься с теми, кто защищал их от Бездны. Легионеры в мундирах, адепты, простые горожане. Все в чёрном. И тишина — такая глубокая, что было слышно, как ветер играет с траурными лентами на знамёнах.

Процессия началась. Два закрытых гроба, усыпанных чёрными лилиями. Я видел, как слёзы текли по лицам закалённых воинов, как плакали женщины, как дети прижимались к матерям, не понимая, почему все вокруг такие печальные. И мои слёзы текли тоже — я не вытирал их. Не мог.

Я видел в первом ряду старую женщину. Она держала в руках чёрную лилию — такую же, как те, что лежали на гробах. Её губы шевелились беззвучно. Она молилась. За них. За нас. За себя.

Я должен был говорить. Речь Короля должна была утешить народ, вселить надежду, напомнить о долге. Но когда я подошёл к краю балкона, слова застряли в горле.

— Сегодня... — голос дрогнул. — Сегодня самый страшный день в истории Империи.

Площадь замерла. Я видел их лица. Они ждали. Они верили, что я смогу найти слова. Но я не мог.

— Мы хороним Легенд, — выдохнул я, и слёзы снова потекли по щекам. — Двоих, чьи сердца бились в унисон. Касвиан де Морт Тинебрис. Верховный Генерал. Мой меч. Моя скала. И Нессира Торн. Его Тень. Его любовь. Моя... — голос сорвался, — моя дочь.

Тишина на площади стала абсолютной. Я слышал только свои собственные рыдания.

— Они были моей семьёй, — прошептал я. — Простите... я не могу говорить...

Я опустил голову и заплакал. Прямо там, на балконе, перед всей Империей. Плечи тряслись, и я не мог остановиться.

Элис стоял рядом. Он не говорил ни слова. Просто положил руку мне на плечо и сжал его. Этого было достаточно.

Потом, когда я немного пришёл в себя, я поднял голову и сказал последние слова:

— В Астерлии объявляется год траура. Никаких праздников. Никаких балов. Никаких ярмарок. Никаких торжеств. Пусть тишина, что наступила после их ухода, станет нашей данью памяти. Они заслужили, чтобы мы помнили.

Я развернулся и ушёл с балкона. Ноги подкашивались, но я шёл. Потому что больше ничего не оставалось.

Глава 2. Агни

Я видела всё.

Стояла на фланге, прикрывая Кайдена, когда это случилось. Лорд — тот самый, огромный, с клинком из чистой тьмы — ударил Касвиана. Чёрное лезвие вошло в его грудь и вышло из спины. «Погибель» выпала из ослабевших пальцев. Он рухнул на землю, а Нессира... Ада... она закричала.

И тогда мир взорвался лазурью.

Я не помню, как оказалась на земле. Меня просто смело этой волной. Свет был такой яркий, что даже сквозь веки он прожигал насквозь. Я слышала крик. Её крик. В нём было всё: боль, любовь, ярость, отчаяние. Он длился целую вечность. А потом наступила тишина.

Когда я открыла глаза, лазурный свет исчез. Остался только пепел. И два тела. Они лежали на выжженной земле, почти обнявшись.

— Нет...

Голос был чужим, сдавленным, будто из меня выбили весь воздух.

— Нет! Нет! Нет!

Я побежала. Ноги сами несли меня к ним, спотыкаясь о камни, о трупы Снулых, о чьи-то обломки. Ничего не видела вокруг. Только их. Только два тела, которые ещё минуту назад были самыми живыми людьми в этом проклятом мире.

— Несси! Кас! Вставайте! Вставайте, слышите?! Вы не можете так! Вы не имеете права!

Упала на колени рядом с ними. Руки тряслись. Я схватила Нессиру за плечо — оно было холодным. Слишком холодным для той, кто всегда была живой, горячей, настоящей. Перевернула её на спину. Глаза закрыты. Лицо — бледное, как мрамор. На губах застыла тень улыбки. Она ушла к нему. Ушла за ним.

И тогда я закричала.

Это был не крик. Это был рёв. Дикий, звериный, вырвавшийся из самой глубины души. Я кричала так, что заложило собственные уши. И из моих рук, из груди, из всего существа вырвался Огонь.

Не тот, которым я сражалась на плацу. Не тот, который мы оттачивали годами. Это был Дикий Огонь. Моя ярость. Моя боль. Моя любовь. Всё, что я чувствовала, превратилось в пламя — белое, ослепительное, неконтролируемое. Оно выжигало всё вокруг. Остатки Снулых, что ещё шевелились, превращались в пепел. Камни плавились. Земля горела. И где-то там, за стеной огня, я слышала крики своих. Они звали меня по имени. Но я не могла остановиться. Не хотела.

Я слышала голоса. Кайден кричал мне что-то. Эреб пытался приблизиться. Но их отбросило. Мой огонь не различал своих и чужих. Он просто был. Как и моя боль. Я рыдала. Слёзы текли по щекам, но тут же испарялись от жара. Прижимала руки к груди и выла, как раненый зверь.

— Почему?! Почему вы?!

Не знаю, сколько это длилось. Минуты? Часы? Вечность? Я выжгла себя дотла. Огонь погас так же внезапно, как и появился. И я рухнула. Прямо в пепел. Прямо в грязь. У меня не было сил даже плакать. Просто лежала и смотрела в небо, которое стало серым. А из глаз всё ещё текли слёзы.

Потом меня подняли. Чьи-то руки — сильные, бережные — обхватили мои плечи. Я не сразу поняла, что это Кайден. Его голос, глухой, надтреснутый, пробился сквозь звон в ушах:

— Агни... девочка моя... идём. Мы должны идти.

Он никогда не называл меня «девочка». Никогда. И от этого слова у меня внутри что-то окончательно сломалось.

Я не ответила. Не могла. Но он поднял меня, прижал к себе и понёс. А я смотрела через его плечо на два тела, которые остались лежать на выжженной земле. На моих руках был пепел. Их пепел. И я знала, что никогда не отмою его. Никогда не забуду. Никогда не прощу.

Глава 3. Эйра

Мир всегда был для меня музыкой.

Не той, что играют на балах в Кер-Моранте — с её фальшивыми нотами и натянутыми улыбками. А живой, пульсирующей симфонией атомов. Каждое дерево имело свой гул — низкий, утробный, как дыхание спящего великана. Каждый человек — свою уникальную частоту. Я слышала, как бьются сердца за три комнаты от меня. Знала, когда Кайден злится — его ритм становился тяжёлым, свинцовым, давил на барабанные перепонки. Знала, когда Агни счастлива — её частота искрилась, как солнечные зайчики на воде.

Я слышала всё. Всегда.

А потом струна лопнула.

В тот момент, когда Лорд вонзил клинок в грудь Касвиана, я почувствовала это за секунду до удара. Его частота — та самая, что гудела, как натянутый грозовой фронт, — дрогнула. Завибрировала на последнем, рваном аккорде. И начала затухать.

Не успела даже вскрикнуть.

Ада закричала. И мир взорвался лазурью.

Это был ультразвуковой удар такой мощи, что мой внутренний камертон просто треснул. Не метафорически — чувствовала, как он разлетается на осколки где-то в самой глубине существа. Её Исток — тот самый, что она так долго прятала, — вырвался наружу. Каждая клетка ощущала это. Прекрасно и ужасно одновременно. Свет, который не просто освещал — он выжигал. Выжигал Мреть, выжигал Снулых, выжигал саму тьму.

И её саму.

Чувствовала, как она сгорает в этом пламени. Как её частота — та самая, что всегда была моей любимой, потому что звучала как тишина, — достигает крещендо. Такого высокого, что я уже не могла его слышать. А потом — обрыв. В пустоту.

Лазурный гром ударил по ушам — и схлынул.

И наступила Тишина. Не та, что была у Нессы. Другая. Мёртвая. В ней не было даже эха.

Упала в грязь, не ощущая ни холода, ни веса доспехов. Ладони прижались к вискам с такой силой, что кости черепа жалобно скрипнули. Пыталась закрыться от звуков, но их было слишком много.

— Замолчите... — прохрипела. — Пожалуйста, замолчите все!

Мир больше не пел. Он выл. Каждый звук причинял физическую боль. Ветер скрежетал по камням, как ржавая пила. Крики солдат врезались в мозг раскалёнными иглами. Где-то вдалеке ржала лошадь — и этот звук резал, как ножом по стеклу.

Но страшнее всего была пустота.

Там, где раньше бились два мощных ритма — её и его — теперь зияла вакуумная дыра. Искала их. Посылала ментальные волны в пространство, как последний крик души. Выкручивала чувствительность до предела, пока из носа не потекла тёплая кровь. Чувствовала, как струйки бегут по шее, пропитывают воротник, но не могла пошевелиться. Тело отказывалось служить, пока разум тонул в какофонии.

Ничего.

А потом сквозь пелену боли увидела их. Они лежали на выжженной земле, почти обнявшись. Не могла издать ни звука. Губы шевелились, но голос пропал — украденный той самой Тишиной, которую так любила и которая теперь стала проклятием.

Кайден...

Его частота была тяжёлой, свинцовой. Ритм, всегда такой надёжный — как удары молота о наковальню, — теперь сбит. Он стоял над телами своих друзей, и гравитационное поле дро-

жало и искрилось от перенапряжения. Слышала, как его сердце бьётся — не ровно, не мощно, а рвано, с перебоями, словно загнанный зверь, который уже не надеется на спасение.

Он был сломлен. Его щит треснул. И я ничем не могла ему помочь.

Почти отключилась, когда новый звук пронзил мозг. Частота Агни — всегда такая тёп-лая, искрящаяся, как потрескивание дров в камине, — вдруг взлетела до немыслимых высот. Слышала, как её горе трансформируется в энергию. Она бежала. Каждый шаг — глухой, рва-ный ритм, как барабанная дробь перед казнью. Бежала к ним. И её пульсация пылала так, что из глаз снова брызнули слёзы.

А потом она закричала.

Это был звуковой удар такой силы, что и без того треснувший камертон разлетелся вдре-безги. Зажала уши ладонями, чувствуя, как из носа и из ушей течёт кровь — теперь уже не тонкими струйками, а потоком. Чувствовала её вкус на губах. Солёный. Металлический.

Мир вокруг Агни превратился в белое пламя. Не видела его — слышала. Слышала, как горят камни — они трескали и лопались с пронзительным визгом. Слышала, как плавится песок — он шипел, превращаясь в стекло. Слышала, как испаряется Мреть — она издавала пред-смертный, захлёбывающийся писк.

И сквозь этот ад донеслись другие частоты.

Кайден. Он пытался пробиться к ней. Его гравитационное поле сгущалось, он выставлял щит за щитом. Слышала, как они гудят — низко, мощно, как колокола. Но каждый рассыпался с оглушительным звоном, едва коснувшись её огня. Её боль была сильнее его защиты. Слышала его крик — не голосом, а всей сутью: «Агни! Остановись!»

Эреб. Его частота металась вокруг неё — быстрая, рваная, как крылья раненой птицы. Пытался подобраться сзади, с фланга, отвлечь. Но её Дикий Огонь отбрасывал его, как сухой лист. Слышала его хриплое дыхание, сдавленный рык от бессилия. Его тени — те самые, что были непробиваемы, — корчились и плавились в этом пламени, издавая звук, похожий на крик.

А потом всё стихло.

Частота Агни резко упала — с крещендо до почти полного нуля. Услышала, как она рух-нула. Звук удара тела о землю — глухой, влажный, потому что земля там уже была пропитана кровью. Как её сердце, перегруженное болью и магией, сбилось с ритма — затрепыхалось, как пойманная птица, — а потом затихло. Не умерло. Просто уснуло. Она выжгла себя дотла.

Кайден наконец пробился к ней. Его тяжёлые шаги ускорились — каждый отдавался в земле глухим гулом, — он подхватил её на руки, прижал к себе. Его частота дрожала. Он плакал. Слышала это — не ушами, а всем существом. Кайден — наш Бастион, наша скала, тот, чей ритм всегда был самым надёжным, — плакал, держа на руках обессиленную Агни. Его слёзы падали на её лицо, и я слышала этот звук. Тихий, как падение снежинок.

Лежала в грязи, не в силах пошевелиться. Кровь из ушей уже не текла — просто потому что внутри не осталось ничего, что могло бы вытечь. И в этой звенящей, мёртвой тишине вдруг поняла: наша Пятерка разбита. Мы потеряли не просто лидера. Мы потеряли сами себя.

Закрыла глаза и попыталась найти внутри себя хоть какую-то мелодию. Хоть какую-то ноту, за которую можно зацепиться. Но там было пусто.

Мой камертон молчал.

И я не знала, зазвучит ли он когда-нибудь снова.

Глава 4. Эреб

Говорят, тени — это отсутствие света. Ложь. Тени — это свидетели. Они видят всё, что мы пытаемся скрыть, и помнят всё, что хотим забыть.

В тот миг, когда небо раскололось лазурью, мои тени взбесились. Они не просто дрожали — выли, пытаясь сорваться с рук и спрятаться в самой глубокой расщелине мира.

А потом наступила Тьма.

Не та привычная, уютная прохлада, в которой привык охотиться. Мёртвая, липкая сажа. Я не упал. Просто перестал чувствовать землю под ногами.

А потом увидел их. Они лежали на выжженной земле, почти обнявшись. Касвиан и Ада. Два источника света, которые всегда вели меня сквозь мрак. Теперь — просто тела. И мои тени, всегда так боявшиеся их силы, сжались вокруг, словно пытаясь утешить.

Тьма внутри начала корчиться. Выходила из пор кожи чёрным дымом, застилая взор, сплетаясь в жуткие узоры за спиной. И шептала: «Теперь ты один. Теперь нет никого, кто выведет тебя к свету».

Ноги стали тяжёлыми, как свинец. Опустился на колени — не из уважения, а потому что не мог больше стоять. Тьма вокруг закручивалась в воронку, поглощая остатки дневного света. Молнии на горизонте — холодные, чужие. Они больше не подчинялись Касу. Просто электричество в мёртвом небе.

В какой-то момент подошла Эйра. Её крик был невыносим, но для меня он звучал где-то в другой реальности. Смотрел на свои руки — чёрные от магии и гари.

— Эреб... — её голос дрожал.

Не ответил. Не мог. Язык превратился в кусок обгоревшего дерева.

В голове была лишь одна мысль, острая и холодная, как обломок моего кинжала: «Если мир позволил им сгореть, значит, этот мир не заслуживает ничего, кроме вечной тени».

Тень — это не просто отсутствие света. Теперь знал это наверняка. Тень — это то, что остаётся, когда всё остальное уничтожено. И я стану этой тенью. Стану кошмаром для каждого, кто приложил руку к этой бойне.

Чёрные нити моей магии сплетались с чем-то новым. С чем-то, что пахло Мретью и древней, как сама Астерлирия, ненавистью. Тени больше не подчинялись — они пели. Пели о мести. Пели о крови. Пели о том, что я никогда не прощу.

Я больше не был частью Пятерки. Был Клинком, у которого сломали рукоять. И теперь буду резать всё, до чего смогу дотянуться.

Глава 5. Кайден

Бастион. Щит Астерлирии. Так говорили в Академии. Так рычал в лицо Касвиан во время изнурительных тренировок. Моя задача проста: стоять, когда другие падают. Держать, когда всё вокруг рушится.

Но в тот день я не удержал.

Магия Абсолютной Защиты всегда была моей гордостью. Золотистая стена, о которую разбивались любые удары. Но когда лазурное пламя Ады схлестнулось с чёрным туманом Мрети, мой щит стал бесполезным куском металла. Он не просто треснул — начал плавиться, впитывая в себя крики тех, кого поклялся защищать.

А потом увидел их. Касвиан и Ада. Они лежали на выжженной земле, почти обнявшись. Колени подогнулись сами собой. Рухнул в эту проклятую, липкую грязь. Нога горела от раны, но эта боль была ничем по сравнению с тем, как железо души выворачивало наизнанку.

— А-а-а-а!

Этот крик не был человеческим. Скрежет металла по камню. Кричал на небо, на богов, на Касвиана за то, что оставил нас, и на Аду за то, что была слишком сильной для этого мира. Пальцы сжимали щит с такой силой, что латные рукавицы начали деформироваться.

Видел их всех. Агни, ставшую живым костром. Эйру, захлёбывающуюся в ментальном шуме. Эреба, который тонул в тенях. Должен был встать. Должен был подойти к ним, закрыть своим щитом, увести прочь. Но не мог пошевелиться. Мой щит весил целую тонну — вес неудачи придавил к земле.

Теперь он больше не для защиты. Теперь — моё надгробие.

Где-то на периферии сознания мелькнуло движение. Генералы. Локейрин и Тейрн шли сквозь пепел так спокойно, будто совершали прогулку по саду. Но у меня не было сил даже поднять на них взгляд. Я ненавидел их за это спокойствие. Ненавидел себя за то, что не могу быть таким же.

Я — сломанный Бастион. И всё, что осталось — выть в пустоту, пока слёзы смешиваются с кровью и грязью. Пока щит, который всегда был продолжением моей воли, лежит рядом бесполезной грудой металла. Пока мир, который я клялся защищать, рассыпается в пепел у моих ног.

Глава 6. Похороны

Агни.

День похорон начался с тишины. Той самой, оглушающей, которая приходит после великой битвы и не хочет уходить.

Кер-Морант, город стали и магии, замер. Не слышно ни криков торговцев, ни звона кузнечных молотов. Только ветер гулял по пустым улицам, поднимая в воздух чёрные лепестки лилий — их рассыпали вдоль всей процессии, и теперь они лежали повсюду, словно тени ушедших душ.

Король Элиас вышел на балкон дворца. Выглядел так, будто постарел на тысячу лет за одну ночь. Седой, сгорбленный, с трясущимися руками — он вцепился в каменные перила, словно боялся упасть. Рядом стоял Элис. Тот самый Элис, которого всегда считала заносчивым и бездушным. Его маска треснула. Видела это с того самого места у подножия Храма, где мы стояли. Элис, королевская ищейка, прикрыл рот рукой, и по его щекам текли слёзы. Не дежурные, не показные. Настоящие. Его плечи вздрагивали, и я впервые в жизни увидела в нём не врага, а человека. Сломленного. Потерянного.

Внизу была толпа. Тысячи. Нет, десятки тысяч. Они заполнили площадь перед дворцом, запрудили улицы, стояли на балконах и крышах. Все в чёрном. Все молчаливые. Никогда не видела столько скорби в одном месте. Она была осязаемой, плотной, как туман над Разломом.

Небо сгущалось, наливалось свинцом. Молнии начали разрывать тучи — не обычные, а те, что когда-то подчинялись лишь одному человеку. Теперь они были дикими, неуправляемыми, и от их грохота земля дрожала под ногами. Даже небеса плакали. Даже они скорбели по своему Генералу.

Мы стояли у подножия Храма Первородных. Я, Агни, та, что всегда горела ярче всех. Но сегодня мой огонь погас. Не могла больше стоять — опустилась на колени прямо на холодный камень. Слёзы текли градом, но беззвучно. Голос пропал. Выплакала его там, на поле, когда увидела их тела.

Эйра опустилась рядом. Не плакала. Просто склонила голову и смотрела на мраморный пол, который за эти три дня впитал тысячи слёз. Её дар молчал, и это молчание было страшнее любого крика.

Видела, как плачут суровые магистры Академии — те, кто годами муштровал нас на плацу, не позволяя себе ни капли слабости. Сегодня не скрывали слёз. Видела, как белеют костяшки на руках Советников Короля, как дрожат губы у придворных дам, как отворачиваются, пряча лица, закалённые в боях ветераны. Это была общая трагедия. Даже те, кто не знал Касвиана и Нессиру лично, скорбели. Потому что они были легендами. Потому что они были надеждой. И теперь надежда умерла.

Сзади стояли Кайден и Эреб. Два молчаливых стража. Две опоры, которые больше никого не держали. Кайден склонил голову так низко, словно нёс на плечах невидимый щит, который стал слишком тяжёлым даже для него. Пальцы, всегда сжимавшие рукоять меча или край щита, теперь безвольно висели вдоль тела. Эреб замер рядом — тень, потерявшая своего хозяина. Они были сломлены. Мы все были сломлены.

Сквозь чёрную реку одежд увидела их. Лана, Лия и Стерн. Они стояли особняком, отделённые от толпы невидимой стеной общей боли. Стерн возвышался над всеми, как скала, вросшая в землю. Казалось, если сделает хоть шаг — мраморный пол под ним проломится. Его лицо было непроницаемым, но я видела, как подрагивают его огромные ладони, сжатые в кулаки.

Не плакал. Не мог. Его слёзы были где-то глубоко внутри, запертые на замок, который он не позволял себе открыть даже сейчас.

А девочки... Лана и Лия. Два солнечных лучика. Стояли поникшие, словно цветы, сложенные ураганом. В их глазах больше не было искр — только беспомощность. Только одиночество. Лана прижималась к сестре, плечи дрожали, губы беззвучно шевелились — молилась. Лия держалась из последних сил. Спина прямая, но взгляд — пустой. Устремлённый куда-то вдаль, за пределы Храма, за пределы реальности. Туда, где уже никого не было.

Отвернулась. Смотреть на них было невыносимо. Потому что в их лицах видела отражение собственной боли. Мы все были едины в этот миг. И это единство было единственным, что ещё удерживало нас от того, чтобы рассыпаться в прах.

Началась процессия.

Восемь гвардейцев несли два гроба. Шли медленно, очень медленно, и каждый шаг эхом отдавался в мёртвой тишине Храма. Смотрела на них и видела, как дрожат плечи под тяжестью ноши. Не от слабости — от горя. Им было тяжело нести тела. Души. Две души, которые значили для всех нас больше, чем целые легионы.

Они там, внутри. Вдвоём.

Эта мысль пронзила, как клинок. Смотрела на чёрные гробы, усыпанные лепестками лилий, и вдруг вспомнила. Как они смотрели друг на друга. Как он касался её щеки. Как она запрокидывала голову, когда он шептал ей что-то на ухо. Как они клялись: «Навсегда».

И вот теперь они навсегда. Навсегда вдвоём. Где-то там, где нет Мрети, нет Снулых, нет этой проклятой войны. Где мир пахнет чёрными лилиями с привкусом озона. Где он — её Шторм, а она — его Тишина. Где они наконец-то могут просто быть. Вместе. Навсегда.

Смотрела, как гвардейцы проносят гробы мимо нас, и слёзы текли по щекам. Но теперь они были другими. Не жгучими, как на поле боя. Тихими, горькими, как осенний дождь. Плакала не только о них. О всех нас, кто остался здесь, в этом мире без их света.

— Навсегда, — прошептала, и сердце, которое, казалось, перестало биться, сжалось в последнем, мучительном спазме. — Вы сдержали своё слово.

Открылись высокие врата Храма, и створки разошлись с тихим, скорбным стоном, будто само здание не хотело принимать эту процессию. Король вошёл первым, опираясь на руку Элиса. Два старика, два сломленных столпа Империи, скрылись в лазурном полумраке.

Кайдэн положил руки нам с Эйрой на плечи. Его ладони были тяжёлыми и тёплыми — единственное тепло, которое осталось в этом мире.

— Идёмте, — прошептал, и голос его был как скрежет камня.

Пошли вслед за остальными. Не чувствовала ног. Каждый шаг отдавался болью — не в мышцах, а где-то глубже, в самой душе. Шла, потому что надо было идти. Потому что она бы хотела, чтобы мы проводили их до конца.

Зашли в Храм — и не узнала его.

Когда-то это место ослепляло чистотой и светом. Лазурные витражи сияли, как драгоценные камни, отбрасывая на белый мрамор радужные блики. Золотые иконы мягко мерцали в полумраке, а статуи Первородных — величественные и безмолвные — казались живыми. Воздух всегда был наполнен покоем и древней магией.

Но сегодня всё потухло.

Витражные окна померкли, словно кто-то задул свечу внутри каждого стекла. Золото больше не сияло — оно выглядело тусклым, почти серым. Статуи Первородных, которые всегда смотрели на нас с мудрым спокойствием, теперь казались просто камнем. Холодным. Безжизненным. Даже воздух изменился — стал густым, тяжёлым, пропитанным скорбью.

Будто жизнь покинула даже Храм.

Смотрела на алтарь, куда медленно, шаг за шагом, несли два гроба, и думала: «Ты был прав, Касвиан. Ты говорил, что без неё твой Шторм погаснет. Но ты не сказал, что вместе с ним погаснет всё».

Служитель Храма что-то говорил. Его голос разносился под сводами, усиленный акустикой древних стен. Наверное, правильные слова. О долге, о чести, о вечной памяти. Но я не слушала. Не хотела.

Всё это было неважно. Никакие слова не могли вернуть их. Никакие молитвы не могли заполнить ту пустоту, что зияла теперь в наших душах. Стояла у стены, опустив голову, и смотрела на мраморный пол. Идеально отполированный, но сегодня в нём не отражался свет. Только тени. Наши тени. Сгорбленные, неподвижные, безжизненные.

Мы стали пустыми оболочками. Пятёрка. Те, кто когда-то был самым грозным отрядом Империи. Теперь просто стояли, не в силах даже поднять друг на друга глаза.

Кто-то ещё говорил. Магистры Академии — их голоса дрожали. Кто-то из знати падал на колени. Кто-то шептал молитвы. Кто-то просто плакал, закрыв лицо руками.

А я стояла и думала только об одном: «Их больше нет. Их больше нет. Их больше нет».

Эта мысль билась в голове, как заевшая мелодия. И сколько бы ни говорили слов, сколько бы ни лилось слёз, она не исчезала. Вросла в меня, как корни в мёртвую землю. И я знала, что уже никогда не смогу её вырвать.

Услышала голос.

Тихий. Мягкий. Пробился сквозь пелену горя, как луч света сквозь толщу воды. Подняла голову — медленно, словно пробуждаясь от долгого, тяжёлого сна.

Два гроба стояли у самых ног статуй Первородных Королей. Ираэль и Мириэль смотрели на них сверху вниз — безмолвные, величественные, скорбящие. Родители, принимающие своих детей обратно. Служители Храма стояли позади гробов — в стерильно-белых одеждах, в серебряных масках, скрывающих лица. Неподвижные, как изваяния.

А потом один из них начал петь.

Едва слышно. Одинокая нота, тонкая, как паутинка, повисла в воздухе. И затем каждый из них подхватил её. Голоса сплетались, поднимались выше, заполняли собою всё пространство. Это был не наш язык. Не знала этих слов. Возможно, язык Первородных — тот самый, на котором говорили задолго до основания Империи. Тот, что звучал здесь, когда этот Храм только был построен.

Они начали петь хором. Нежно. Ласково. Успокаивающе.

Это была песнь облегчения. Не знаю, что за магия. Но слушала. Не могла оторваться. Их голоса проникали в самую душу, обволакивали её, как тёплое одеяло. Они не пытались заглушить боль — они принимали её. Пели о том, что эти двое больше не страдают. Что они свободны. Что они наконец-то дома.

Выдохнула. Впервые за эти три дня — по-настоящему. Плечи, сжатые до хруста, опустились. Стало легче. Совсем чуть-чуть. Достаточно, чтобы сделать вдох.

Но я знала: стоит нам выйти из Храма, и это облегчение пройдёт. Будто рукой снимет. Потому что там, за этими стенами, нас ждал мир, в котором их больше нет.

Когда процессия подходила к концу и людей в Храме становилось всё меньше, я заметила их.

Стерн и Король Элиас стояли у алтаря, в стороне от остальных. Двое стариков, два титана, которые только что похоронили своих детей. Они говорили тихо, почти шёпотом, и выражение лица Элиаса менялось — от удивления к пониманию, от понимания к печали.

Я повернулась к Эйре. Она стояла рядом, всё такая же бледная, всё с тем же пустым взглядом.

— Эйра, — прошептала я, касаясь её локтя. — О чём они говорят?

Она медленно перевела взгляд на Стерна и Короля. Её глаза сузились — она пыталась использовать свой дар, но он всё ещё был слаб, как и она сама. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она заговорила.

— Я слишком слаба, чтобы слышать всё, — прошептала она. — Только отрывок. Стерн сказал: «...похоронить Нессиру с родителями...»

Я замерла.

— С родителями? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Но их могилы... они же неизвестны. Где они вообще похоронены?

Эйра покачала головой.

— Я не знаю. Может, у него есть место. Может, он хочет, чтобы она лежала рядом с матерью и отцом. Это всё, что я смогла уловить.

Я смотрела на Стерна — на его широкую спину, на его опущенные плечи, на его руки, которые никогда не дрожали, а теперь сжимались в кулаки каждые несколько секунд. Он что-то решал. Что-то важное.

И где-то глубоко внутри меня шевельнулось странное, почти забытое чувство. Не надежда. Нет. Но что-то, что было на неё похоже.

Эреб, до этого стоявший неподвижно, как статуя, вдруг пошевелился. Он отлепился от колонны, у которой простоял всю церемонию, и подошёл к нам. Голос прозвучал глухо и устало.

— Пойдёмте. Это его дело.

Я посмотрела на него. В его глазах, янтарных, как у хищника, больше не было ни азарта, ни ярости. Только пустота. Такая же, как у всех нас.

— Если он хочет, чтобы она была с родителями — значит, так тому и быть, — продолжил Эреб, не глядя ни на кого. — Мы ничего не изменим. И не должны. Это его право.

Я хотела возразить. Хотела спросить: «Откуда он вообще знает, где похоронены её родители? Почему он никогда не говорил об этом?» Но слова застряли в горле. Я просто не могла. У меня не было сил спорить. Не было сил задавать вопросы. Всё, что я могла — это стоять и смотреть, как Стерн продолжает свой тихий разговор с Королём.

— Идём, — Кайден положил руку на плечо Эребу, потом мне. — Нам пора. Мы сделали всё, что могли. Теперь пусть они покоятся с миром.

И мы пошли. Медленно, тяжело, оставляя за спиной Храм, который сегодня был не домом света, а склепом. Я не оглядывалась. Я не могла. Потому что знала: если я оглянусь, то уже никогда не смогу уйти.

Мы вернулись в наш дом. В Слепой квартал. Туда, где нас никто не знал и где мы могли спрятаться от всего мира.

Дом был большим — слишком большим для нас. У каждого была своя комната. Огромный зал с камином, который мы почти никогда не разжигали. За домом — площадка для тренировок, где мы когда-то оттачивали наши связки и готовились к боям. Тогда это место казалось нам убежищем, крепостью, где мы становились сильнее. Теперь оно ощущалось пустым. Холодным. Чужим.

Мы специально выбрали его таким. Чтобы никто не знал. Чтобы никто не нашёл. Дом выглядел так, будто в нём никто не жил вовсе — ни света в окнах, ни дыма из трубы, ни следов на каменной дорожке. Мы сами хотели быть теньями. И стали ими.

Ада ушла. Ушла навсегда, забрав с собой наш свет, нашу силу, нашу веру. Мы вошли в дом — я, Эйра, Кайден, Эреб. Четыре тени. Четыре сломанных клинка, которые когда-то были единым целым. Четыре Истока, которые больше не бились в унисон, а тлели по отдельности, каждый в своём углу.

Мы не зажигали света. Мы не разговаривали. Каждый просто разошёлся по своей комнате, закрыл дверь и остался наедине со своей болью. Я слышала, как скрипнули половицы

под шагами Кайдена. Как хлопнула дверь в комнату Эреба. Как Эйра, даже не снимая плаща, опустилась на пол у камина и замерла там, глядя в холодный, мёртвый пепел.

Четверо. Из шестерых — четверо.

И в этой тишине, в этом пустом, огромном доме, который мы выбрали, чтобы спрятаться от всего мира, я вдруг поняла: мы прячемся не от других. Мы прячемся от самих себя. От тех, кем мы стали без неё.

Я опустилась на пол рядом с Эйрой. Я смотрела на пустой камин, на серый пепел, который остался там с прошлой зимы, и молчала. Эйра не шевелилась. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в ту же пустоту, что и я.

— Помнишь? — тихо спросила я, и мой голос прозвучал хрипло, как после долгого крика.

Эйра не ответила, но я знала, что она слушает.

— Как мы впервые зашли в нашу комнату в Академии. После плаца. После того, как она уложила эту рыжую дуру на лопатки. Мы открыли дверь, а она стояла там. У окна. Маленькая. Хрупкая. Но с осанкой королевы.

Я усмехнулась, хотя в горле стоял ком.

— Я тогда подумала: «Кто эта девчонка? Откуда в ней столько стали?» Она посмотрела на нас, и я поняла — эта девчонка или сломает всех вокруг, или спасёт.

Я замолчала. Слёзы снова потекли по щекам, но я не вытирала их.

— Я помню, — вдруг тихо сказала Эйра. Её голос был слабым, как дуновение ветра, но в нём появилось что-то новое. Тёплое. Живое. — Я помню, как ты перерыла её сумку.

Я подняла голову и посмотрела на неё. Эйра сидела всё так же неподвижно, но уголки её губ чуть дрогнули.

— Там были эти баночки с мазями, эликсиры, настойки... Ты была как крот, который дорвался до сокровищ. Всё нюхала, всё открывала, всё пробовала на язык. А потом сказала: «Несси, у тебя тут целый арсенал! Ты что, готовилась к войне с помощью крема и настоек?»

Я усмехнулась. Сквозь слёзы. Сквозь боль.

— А она ответила: «Это Марта. Она сказала, что кожа должна сиять даже под шлемом. Ты бы видела её лицо, когда я спросила про увлажняющий тоник».

Мы обе замолчали. А потом Эйра сделала то, чего я не ожидала. Она улыбнулась. Слабо. Едва заметно. Но это была улыбка. Первая за все эти дни.

— Она была невозможной, — прошептала Эйра. — Сочетание стали и шёлка. Мы никогда не встретим никого похожего.

— Никогда, — согласилась я и снова уставилась в холодный камин. Но теперь, в этой пустоте, что-то едва заметно теплилось. Крошечная искра. Память.

Из теней дома, из того самого угла, где он всегда прятался от чужих глаз, послышался голос Эреба. Тихий, глухой, но в этой тишине он прозвучал отчётливо, как звон клинка.

— Я помню, когда впервые увидел её в столовой.

Мы с Эйрой одновременно повернули головы. Эреб стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди. Его лицо всё ещё было скрыто тенью, но голос звучал иначе — не холодно, не отстранённо. В нём была странная, непривычная мягкость.

— Она только что пришла с плаца. Все смотрели на неё — кто с любопытством, кто с презрением. А она даже не замечала. Просто взяла поднос, села и начала есть. Как будто вокруг не было никого. Как будто весь этот зал с сотнями адептов был пустым.

Он замолчал на мгновение, и я увидела, как его янтарные глаза блеснули в полумраке.

— Я тогда понял, что она не просто девочка с магией металла. В ней было что-то ещё. Что-то, что она прятала даже от самой себя. Я чувствовал это. Мои тени чувствовали. Они тянулись к ней, как к свету.

Эреб перевёл взгляд на холодный камин.

— Но я никогда не говорил это вслух. Всегда ждал. Ждал, когда она откроется по-настоящему. Когда перестанет прятаться за маской «дочери кузнеца». Когда станет той, кем была рождена.

Он замолчал. А потом добавил — совсем тихо, почти шёпотом:

— Она стала. И в тот же миг ушла.

Скрипнула половица. Тяжёлые шаги раздалась в тишине, и из коридора показался Кайден. Он выглядел измотанным — плечи опущены, глаза покраснели, но в них больше не было той пустоты, что пугала меня последние дни. Он смотрел на нас — на меня, на Эйру, на Эреба — и в его взгляде теплилось что-то, чего мы не видели со дня битвы. Воспоминание.

— Помните Воющий свод? — спросил он, и его голос прозвучал глухо, но твёрдо.

Эйра подняла голову. Эреб чуть отлепился от косяка, но ничего не сказал. А я просто смотрела на Кайдена и ждала.

— Тот день, когда Касвиан потерял дар речи, — продолжил он, и уголки его губ едва заметно дрогнули. — Он вызвал её к доске. Думал, что сейчас поставит на место эту дерзкую новенькую. А она подошла, коснулась его Шторма... и он замолчал.

Я помнила. Боги, я помнила этот момент так ясно, будто он был вчера. Касвиан, грозный, не терпящий возражений, с серебряными молниями в глазах — и она, маленькая, хрупкая, но с такой силой внутри, что от одного её прикосновения его магия стихла.

— Я тогда подумал: «Всё. Он её сейчас испепелит», — Кайден издал короткий, сухой смешок, похожий на скрежет камня. — А он просто стоял и смотрел на неё. Как мальчишка. Как человек, который впервые за сто лет почувствовал тишину.

Эреб тихо хмыкнул.

— Она всегда была его тишиной, — сказал он. — И нашей тоже.

Они сели рядом. Кайден опустился на пол рядом с Эйрой, Эреб устроился чуть поодаль, в своём излюбленном углу, где тени были гуще. Я осталась на месте, скрестив ноги и обхватив колени руками.

Мы сидели вчетвером. Четыре фигуры вокруг холодного, мёртвого камина. Пепел внутри него был серым и безжизненным — таким же, каким мы чувствовали себя последние дни.

Никто не спешил разжигать огонь. Нам не нужен был свет. Мы уже привыкли к этой полутьме, к этой тишине, к этому пустому дому, который когда-то был нашей крепостью.

Никто не говорил. Мы просто смотрели в пепел. Каждый думал о своём. Каждый вспоминал. И в этом молчании было больше слов, чем в любой речи. Оно говорило за нас. Оно кричало за нас. Оно плакало за нас.

Время потеряло смысл.

Но в какой-то момент я почувствовала, как что-то неуловимо изменилось. Мы были разбиты. Сломлены. Опустошены. Но мы были вместе. Четверо. И пока мы держались друг за друга — у нас был шанс.

Крошечный, едва заметный, но шанс.

Выжить. Выстоять. И, может быть, однажды снова научиться жить.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.